

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ УРОКИ

Впервые я увидела “их” в 1972 г. на одном из первых субботников в недавно созданном академическом Институте психологии. “Они” – это сотрудники сектора философских проблем психологии, тогда работавшие в Институте философии Академии наук, но вскоре собирающиеся всем отделом переводиться во вновь организованный институт. Собственно “они” и были уже важной частью этого нового научного центра академической психологии. Сектор был создан в 1946 г. выдающимся отечественным ученым – тогда первым из психологов, ставших членом-корреспондентом Академии наук, – Сергеем Леонидовичем Рубинштейном. Позднее много раз и в подробностях пришлось услышать эту историю, потому что коллектив сектора ее трепетно хранил, да и сам становился уже Историей науки. Такие известные, “хрестоматийные” имена: Елена Александровна Будилова, Константин Константинович Платонов, Яков Александрович Пономарев, Людмила Ивановна Анцыферова, Екатерина Васильевна Шорохова... Среди них навсегда вместе стоят имена двух “хранителей” наследия Рубинштейна – Ксении Александровны Абульхановой (Славской) и Андрея Владимировича Брушлинского.

Знакомство состоялось в 1972 г., но за прошедшие с тех пор годы и десятилетия Андрей Владимирович внешне почти не изменился. Та же подтянутая фигура, внимательный взгляд, обращенный к собеседнику, точность и аккуратность движений. Во время субботника на нем был плащ и черный берет. Тот осенний день остался на снимке. Фотограф, конечно, не догадывался, что фотографирует будущего директора Института психологии. Тогда Брушлинский только готовился к защите докторской диссертации.

Мы встретились как учитель и ученик. Учитель – Андрей Владимирович – сама добросовестность, ответственность и безграничное желание поделиться своими знаниями и умениями. Ученик – то есть я – оставлял желать лучшего... Но память так ясно воспроизводит это время. Многочасовые (!) занятия со всеми, кто проявил хоть какой-то интерес к научному наследию Рубинштейна, детальнейшие объяснения принципа детерминизма, закономерностей мыслительного процесса. В те годы Андрей Владимирович начал разрабатывать положение о “недизъюнктивном” характере психического, о неразрывном единстве биологичес-

кого и социального в человеке, открыл феномен “немгновенного инсайта”. А когда началось экспериментальное исследование мышления (Андрей Владимирович называл работу “совместной”), это оказалось для меня настоящей школой и науки, и жизни. Он мог без усталости объяснять цели и задачи работы, тактично поправлять ошибки и показывать, как нужно строить общение с испытуемым, чтобы и не “давить”, но и позволить максимально раскрыть мыслительный процесс. В методике, в анализе не было ничего недоговоренного. Можно было наблюдать, как он сам проводит эксперименты. Надо сказать: Андрей Владимирович был прекрасным экспериментатором. Одним, на первый взгляд, “нейтральным” словом ему удавалось оживить активность, любознательность испытуемого. Настоящие “немгновенные инсайты” наблюдались как раз в тех экспериментах, которые проводил Брушлинский. И еще это особенное, уважительное отношение к человеку. Будучи начинающим психологом, я долго думала, как можно определить принцип взаимодействия в эксперименте, пока он не оформился в слова: “Экспериментатор, полюби испытуемого!”.

Когда же дело доходило до анализа полученных протоколов, то это производило незабываемое впечатление. В 70-е годы за спиной у Брушлинского был уже почти двадцатилетний опыт проведения подобного анализа – и это чувствовалось во всем. Предполагаю, что уже во время самого эксперимента он делал точный анализ, поэтому всегда вовремя произносил нужное слово. Микросемантический анализ, несомненно, целое искусство: здесь нет заданных шаблонов, обучиться ему трудно (я бы даже сказала – почти невозможно) без “носителя” традиции. Мне представляется теперь, что здесь огромное значение имела “добрая старая психология”, которую отличало безграничное внимание к законам душевной жизни, а главное – к едва заметным “мелочам”. Можно это определить также как рабочий навык к особой вдумчивой и неторопливой наблюдательности. Традиция, идущая как от европейской психологии (прежде всего – от гештальтпсихологии), так и отечественной. Забавно сейчас вспоминать, как я пыталась противостоять всей этой традиции и непременно сделать все по-своему. Я благодарна Андрею Владимировичу, что он не высмеивал эти попытки, а лишь тактич-

но предоставлял в мое полное распоряжение качественные анализы, проведенные им самим. И это называлось им – “параллельный анализ”!

Другой урок касался чисто деловых отношений. Сейчас, перечитывая публикации Брушлинского тех лет, я замечаю слова, ничего не значащие для меня в то время: “половина экспериментов выполнена и проанализирована Воловиковой”. Это он заранее оговаривал юридически корректную форму моей последующей защиты кандидатской диссертации. А в первую статью с анализом результатов эксперимента (1976 г.) он включил мою фамилию как соавтора, хотя в те годы я едва ли была в состоянии подправить пару букв (только совсем недавно, работая в совместном исследовании с западными коллегами, я узнала, что это правило, принятое в мировой психологии, – поэтому у них так традиционно много соавторов в экспериментальных статьях).

После защиты мною кандидатской диссертации, когда мы уже не работали вместе, Андрей Владимирович помог мне, подкорректировав на будущее мои научные планы общей темой: “Мышление и личность”. То, что для экспериментов были выбраны моральные задачи, – это заслуга моего учителя. Дело в том, что для многих знавших Андрея Владимировича людей он был человеком высоконравственным.

Нравственность – это мир, определяемый как раз “мелочами”. Нельзя “чуть-чуть соврать”, “совсем крошечку украсть” и оставаться при этом образцово нравственным человеком. Брушлинский не просто обладал особым чувством этой невидимой границы, но унаследовал многовековой нравственный капитал своих именитых предков. Поэтому вести себя нравственно было для него просто и естественно, а допускать какие-либо послабления (что делать, жизнь ставит иногда свои жесткие условия) – оказывалось непереносимо трудным и мучительным.

Став в 1989 г. директором Института психологии, по-прежнему оставаясь “ровным”, корректным, вежливым, точным, Андрей Владимирович очень быстро овладел административными навыками. Брушлинский оказался очень достойным директором. Он был настоящим рыцарем науки. Только очень честный человек мог провести Институт через последнее, действительно разрушительное для отечественной науки десятилетие, приумножив при этом научный капитал. Публикации, конференции, симпозиумы, дискуссии и защиты диссертаций – теперь все это представляется почти чудом на фоне финансовых обвалов,

промерзших батарей, постоянных сокращений штата сотрудников, реальной невозможности готовить в лабораториях научную смену.

Поддерживало и то, что в Институте воцарилась очень мирная, дружественная атмосфера взаимной поддержки и уважения. Атмосферу эту определял Брушлинский своей интеллигентностью, то есть способностью ценить и уважать чужие взгляды, даже если они не совпадали с его собственными. Так он поддержал создание научной группы православной психологии, хотя сам был далек от вопросов веры.

За время директорства Андрей Владимирович ничего материально существенного не приобрел. В его маленькой квартире мне довелось быть один раз. Это было очень давно, вскоре после моей защиты, когда я помогала оформлять диссертационные дела живущей в далеком Казахстане Баян Есенгазиевой. Помню, как Андрей Владимирович показывал небольшой прудик, находящийся перед домом, шутя называя его “озером”. Письменный стол стоял у окна, с видом на это “озеро”. У Андрея Владимировича был ежедневный “урок” – написать не менее семи или восьми страниц нового текста. И, насколько я помню, он стремился этот урок всегда выполнять. Наверное, когда он отрывался от рукописи, то смотрел в окно, на “озеро”. Думаю, он очень любил природу, даже в тех малых формах, которые мог предоставить ему московский район Беляево.

Брушлинский так радовался новому времени “победы демократии”. Пережив в юности тоталитаризм, он до глубины души ненавидел эту государственную форму унижения человека. В 1991-м мы все оказались перед выбором между “материей” и “духом”. Материальную составляющую жизни постперестроечное время подвергло жестким испытаниям, но духу стало свободнее. А.В. Брушлинский совершенно точно сделал выбор в пользу духа и одержал свою личную победу: сохраненный им Институт психологии остался хорошо работающим научным подразделением Российской академии наук, в изданных книгах – почти полувексовые результаты работы.

И все-таки на этом бодром утверждении сердца не может остановиться. И у кого могла подняться рука на этого интеллигентнейшего человека, искреннего гуманиста?

М.И. Воловикова,
канд. психол. наук, ИП РАН,
Москва